

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-77-98

Д. Деннет и научный реализм: эмпирическая эквивалентность и эвиденциальное подкрепление теоретических утверждений*

Н. В. Головки

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Цель работы – проинтерпретировать рассуждения Л. Лаудана и Дж. Леплина о несостоятельности тезисов эмпирической эквивалентности и недоопределенности теории

* Это третья работа, посвященная, в широком смысле, рецепции работы Л. Лаудана «Опровержение конвергентного реализма» [Laudan, 1981] в свете авторской интерпретации определения существования «по Д. Россу» и сопутствующей концепции «тропического (rainforest) реализма». В последней работе [Головки, 2018б] мы обращались к критике Л. Лауданом абдуктивного вывода, связывающего успешность науки и истинность научного знания, а чуть раньше – рассматривали его критику идеи сходимости научного знания [Головки, 2018а]. Таким образом, формально, с точки зрения концепции существования Д. Росса мы уже рассмотрели основной аргумент в пользу научного реализма – аргумент «Чудеса не принимаются», а также основной аргумент против – «Аргумент от пессимистической метаиндукции». В этом смысле традиция (лучшее современное изложение которой, на наш взгляд, представлено С. Псилосом [Psilos, 1999]) предписывает нам также проанализировать еще один аргумент – «Аргумент от недоопределенности теории данными». Примечательно то, что десять лет назад мы уже проводили анализ этих ключевых для научного реализма аргументов (см.: [Головки, 2006; 2007; 2008]), однако тогда основная наша идея заключалась в том, чтобы построить авторскую интерпретацию натурализованного научного реализма М. Девитта в сочетании с идеями «внутреннего реализма» Х. Патнэма. Наша цель сейчас – показать, насколько значимым эвристическим потенциалом обладает перенос концепции реальных паттернов Д. Деннета в область метафизики науки.

© Н. В. Головки, 2019

данными в рамках «тропического (rainforest) реализма» Д. Росса и соответствующей фундаментальной концепции существования, в основании которой лежит концепция реальных паттернов Д. Деннета. Следуя Л. Лаудану и Дж. Леплину, основная проблема связана с абсолютизацией представления о том, что единственно значимой формой эвиденциального подкрепления теории является эмпирическое подтверждение ее следствий (консеквентализм). Мы полагаем, что концепцию «спасти явление» (П. Дюгем), как стратегию эвиденциального подкрепления, можно связать с нарративным типом объяснения. Определение «перспективы», которая задает паттерн, в терминах понятия «информационный канал» гарантирует, что объяснение в концепции Д. Росса – это не дедуктивный аргумент, это именно «рассказывание истории», которая дает возможность выделить значимое в предполагаемом объяснении. При этом не-консеквенталистский характер эвиденциального подкрепления паттерна обосновывается тем, что паттерн, который определяется как «отношение между данными», является реальным только в том случае, если содержит информацию о другом паттерне, воспроизводит только структурные характеристики реальности и отвечает характерному для концепции «спасти явление» представлению о возможной причине явления, отражая представление о «естественной классификации».

Ключевые слова

эмпирическая эквивалентность, недоопределенность теории данными, нарративное объяснение, реальные паттерны, перспектива, П. Дюгем, Дж. Леплин, Л. Лаудан, Д. Росс

Для цитирования

Головкин Н. В. Д. Деннет и научный реализм: эмпирическая эквивалентность и эвиденциальное подкрепление теоретических утверждений // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2. С. 77–98. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-77-98

D. Dennett and Scientific Realism: Empirical Equivalence and Evidential Support of Theoretical Statements

N. V. Golovko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper aims to interpret the reasoning of L. Laudan and J. Leplin on the inconsistency of the theses of empirical equivalence and underdetermination of the theory by data within D. Ross's rainforest realism and D. Dennett's real patterns concepts. Following L. Laudan and J. Leplin,

the main problem is with the absolutization of the idea that the only significant form of evidential support of a theory is the empirical confirmation of its consequences (consequentialism). We believe that the conception “to save the phenomena” (P. Duhem), as a possible alternative strategy of evidential support, could be connected with the narrative type of explanation. The definition of “perspective” that defines a pattern in terms of the “information channel” concept ensures that the explanation within D. Ross’s conception is not a deductive argument, it is precisely a “story telling” that makes it possible to single out what is significant in the intended explanation. At the same time, the non-consequentialist nature of the evidential support of the pattern (that is defined with respect to the relations between data) is justified by the fact that the pattern is real only if it contains information about another pattern, reproduces only the structural characteristics of reality, and represents the probable causes of the phenomena explained via the idea of “natural classification” within “to save the phenomena” conception.

Keywords

empirical equivalence, underdetermination of theory by evidence, narrative explanation, real patterns, perspective, P. Duhem, J. Lepplin, L. Laudan, D. Ross

For citation

Golovko N. V. D. Dennett and Scientific Realism: Empirical Equivalence and Evidential Support of Theoretical Statements. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 71–90. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-71-90

Как отмечают Л. Лаудан и Дж. Леплин, в XX в. философский анализ научных теорий придал неоправданно большое эпистемическое значение двум тезисам: «для каждой успешной теории всегда есть эмпирически эквивалентная... и, по большей части в силу эмпирической эквивалентности, – выбор между теориями радикально недоопределен (underdetermined) любыми доступными (conceivable) данными. Мы отвергаем оба [этих тезиса]» [Laudan, Lepplin, 1991. P. 449]. Отличительная особенность рассуждений Л. Лаудана и Дж. Леплина заключается в том, что они сводят оба этих тезиса к проблеме выбора подходящей «логики подкрепления»: «Предполагается, что если теории разделяют одни и те же эмпирические следствия, то они одинаковым образом подкрепляются (supported) ими. Мы оспорим это предположение, а также редукцию эвиденциальных (evidential) отношений к семантическим, на которую оно [предположение] опирается... Мы покажем, что эвиденциальное подкрепление теории не

сводится к подтверждению ее эмпирических следствий... быть эмпирическим следствием гипотезы не является ни необходимым, ни достаточным условием того, чтобы быть ее позитивной инстанцией – быть ее эвиденциальным подкреплением... теории идентичные до эмпирических следствий могут по-разному подкрепляться, а значит, одна может быть эпистемически предпочтительнее другой» [Ibid. P. 460–461]. Подобные сомнения в абсолютности связи между эвиденциальным подкреплением и эмпирическим подтверждением следствий теории, и, как результат, – во всеобщности сопутствующих этому представлению уэвелловской гипотетико-дедуктивной модели развития научного знания, гемпелевской модели объяснения и т. д. – т. е. фактически во всем том или в основаниях того, что составляет «джентльменский набор» современной философии науки, либо, по крайней мере, той ее части, которая традиционно ориентирована на аналитическую традицию (в первую очередь на работы Р. Карнапа и У. Куайна), являются одним из ключевых моментов позиции Л. Лаудана и Дж. Леплина. В этом смысле соотнесение данной позиции и ее интерпретация в рамках концепции «тропического (rainforest) реализма» Д. Росса (см.: [Ross, 2000]), а также производной от нее концепции теоретико-информационного структурного реализма Дж. Лэдимена (см.: [Ladyman et al., 2007]), может продемонстрировать преимущества переноса концепции реальных паттернов Д. Деннета (см.: [Dennett, 1991]) в область метафизики науки.

Проблема недоопределенности теории данными как следствие допущения существования эмпирически эквивалентных описаний является одним из ключевых аргументов против научного реализма. Классическую постановку, по-видимому, формулирует Р. Бойд: «Предположим что T – теория, описывающая ненаблюдаемые явления. Назовем теорию эмпирически эквивалентной T , если она делает те же самые предсказания относительно наблюдаемого, что и T . Всегда можно сконструировать произвольное количество альтернативных T , эмпирически эквивалентных ей, теорий, каждая из которых будет одинаковым образом подтверждаться или опровергаться любыми возможными данными наблюдения... имеющиеся данные никогда не позволят выбрать теорию, описывающую ненаблюдаемые явле-

ния, а значит, знание о ненаблюдаемом невозможно» [Boyd, 1983. P. 46–48]. Мы не можем принять T , описывающую «ненаблюдаемые явления», поскольку она недоопределена данными. С точки зрения Л. Лаудана и Дж. Леплина, выбор теории затруднен, только если единственно значимой формой эвиденциального подкрепления теории объявляется эмпирическое подтверждение ее следствий, т. е. если принято допущение, которое они называют – «консеквентализм». Подчеркнем, что само по себе представление о недоопределенности – это эпистемический тезис (мы обсуждаем достаточность данных для выбора теории), но его важность, конечно, связана с участием в решении онтологических вопросов, вопросов объяснения.

С точки зрения эпистемологии эвиденциальное подкрепление не обязательно быть ограничено только каким-то одним классом данных и хорошая философская теория должна оперировать не только «подтверждающими» (консеквентализм), но и иными типами подкрепляющих инстанций. С нашей точки зрения, представление об эвиденциальном подкреплении при определении паттерна у Д. Росса и Дж. Лэдимена включает в себя не только «консеквентализм» (никто не говорит о том, чтобы отказаться от него или принизить его значимость, так как в защиту консеквентализма свидетельствует сама практика научного исследования), но и классическое представление «спасти явление» (П. Дюгем), отчасти являющееся следствием классического же представления о «позитивных инстанциях» (Дж. Милль). Проблема может заключаться в том, что «спасти явление», как представление о том, что теория «должна давать аккуратное описание релевантных явлений, и только», традиционно отождествляется с инструментализмом. Однако обращение к концепции «спасти явление», как к стратегии эвиденциального подкрепления, может иметь и другой смысл – подчеркнуть значимость противопоставления (и особенности противопоставляемых точек зрения) индуктивной (Дж. Милль) и гипотетико-дедуктивной (У. Уэвелл) моделей научной теории. Критика инструментализма (как метафизической концепции), по сути, является частью концепции «тропического (rain-forest) реализма» Д. Росса, но это не мешает выбрать в ее рамках «спасти

явление» как стратегию эвиденциального подкрепления и тем самым показать возможность концепции научного реализма свободной от проблемы недоопределенности теории данными. Ниже мы отдельно остановимся на критике Л. Лауданом и Дж. Леплином представления о том, что эвиденциальное подкрепление теории должно быть ограничено исключительно эмпирическим подтверждением ее следствий, и покажем, как представление «спасти явление» можно проинтерпретировать с точки зрения концепции существования Д. Росса, оставаясь при этом научным реалистом. Мы полагаем, что концепцию «спасти явление» (П. Дюгем), как стратегию эвиденциального подкрепления, можно связать с нарративным типом объяснения. Определение «перспективы», которая задает паттерн, в терминах понятия «информационный канал» гарантирует, что объяснение в концепции Д. Росса – это не дедуктивный аргумент, это именно «рассказывание истории», которая дает возможность выделить значимое в предполагаемом объяснении. При этом не-консеквенталистский характер эвиденциального подкрепления паттерна обосновывается тем, что паттерн, который определяется как «отношение между данными», является реальным только в том случае, если содержит информацию о другом паттерне, воспроизводит только структурные характеристики реальности и отвечает характерному для концепции «спасти явление» представлению о возможной причине явления, отражая представление о «естественной классификации».

Л. Лаудан, Дж. Леплин и «консеквентализм»

Иллюстрируя значимость проблемы недоопределенности теории данными, Л. Лаудан и Дж. Леплин отмечают особую роль, которую играет апелляция к этой проблеме в аргументации противников научного реализма: «Сторонник эмпиризма подчеркнет, что какими бы ни были данные (evidence) в пользу теории, наличие или возможность существования точно так же подтвержденной альтернативы сделает невозможным принятие именно этой теории. Инструменталист скажет, что существование альтернативы для теории, постулирующей ненаблюдаемые объекты, делает

рассуждения на этом уровне эпистемически неуместными. Сторонник прагматизма сошлется на то, что только рассуждения внешнего, неэпистемического характера могут определять выбор теории» [Laudan, Lepplin, 1991. P. 459–460]. Авторы подчеркивают, что независимо от поставленных целей тезис недоопределенности опирается на представление о возможности эмпирически эквивалентных описаний, которое, в свою очередь, является следствием допущения, что множество данных, эвиденциально подкрепляющих теорию, должно сводиться к множеству эмпирических проверяемых следствий из этой теории. Чтобы убедиться в том, что последнее допущение не работает, Л. Лаудан и Дж. Леплин показывают, что даже истинные эмпирические следствия не обязательно служат эвиденциальным подкреплением теории, а также обратное – эвиденциальное подкрепление теории может быть не связано с ее эмпирическими следствиями.

В общем случае, проверка теории и подтверждение ее эмпирических следствий – это разные вещи. Предположим, что у нас есть стройная теория ненаблюдаемых духов лифта, ответственных за перемещение лифта между этажами (ритуалы почитания божеств, подношения, сакрализация знания, культ священников, ереси, вероотступники и т. д. – все прилагается). Как следствие этой теории, нажатие на клавишу с цифрой «5» переносит нас на пятый этаж. Считая нажатие клавиши священным ритуалом, мы каждый раз убеждаемся, что теория работает. Однако никто не считает эмпирический результат свидетельством в пользу теории только на основании того, что результат был ею предсказан и оказался подтвержденным. С точки зрения современной науки концепция эмпирической проверки теории всегда подразумевает наличие независимых дополнительных условий на то, что считать данным – свидетельством в пользу теории, начиная с требований повторяемости и воспроизводимости экспериментов, до независимости множеств данных, на которых теория строится и на которых проверяется, целей построения теории, включенности данной теории в более широкий теоретический контекст и т. д. Как отмечают Л. Лаудан и Дж. Леплин, само по себе подтверждение следствия теории не может

играть той эпистемической роли, которой это следствие нагружают сторонники допущения, что эвиденциальное подкрепление теории – это исключительно ее эмпирические следствия.

Демонстрация того, что эвиденциальное подкрепление теории может быть не связано с ее эмпирическими следствиями, по мнению Л. Лаудана и Дж. Леплина, также может опираться на научную практику. Пусть T_1 и T_2 – разные, но эмпирически эквивалентные теории. Пусть T_1 каким-то образом содержательно связана с другой, например, более общей теорией T_0 . «Общность» T_0 подчеркивается тем, что у нее также есть «содержательное следствие» – теория T_3 , которая никак не связана с T_1 или T_2 . Пусть T_3 предсказывает событие E , и однажды E эмпирически подтверждается. В этом случае E не только напрямую поддерживает T_3 , но и косвенно поддерживает T_0 , а также T_1 , следствием которой E не является. Л. Лаудан и Дж. Леплин приводят пример: «Теория смещения континентов утверждает, что каждый участок поверхности отвечает сейчас другой долготе и широте, чем те, которые занимал когда-то. Как следствие, эта теория принимает гипотезы: H_1 – климат в каждом из регионов отличается от климата в прошлом [именно в силу смещения континентов]; и H_2 – направление стрелки компаса на магнитный полюс в каждом из регионов ранее было другим [предполагаем, что положение магнитного полюса неизменно]. Существует бесчисленное множество данных, подтверждающих H_2 . И эти же данные подкрепляют H_1 , несмотря на тот факт, что они не являются следствиями H_1 . Подкрепляя H_2 , эти данные подтверждают теорию континентального смещения и тем самым ее следствие – гипотезу H_1 » [Laudan, Lepplin, 1991. P. 461–462]¹. Таким образом, подтверждение следствий теории не является ни необходимым, ни достаточным условием для того, чтобы считать полученные эмпирические данные ее эвиденциальным подкреплением, а значит, «консеквентализм» (представление

¹ На наш взгляд, приведенного примера самого по себе уже достаточно для того, чтобы показать, что переход от эмпирической эквивалентности к представлению о недоопределенности теории данными недостаточно обоснован.

о том, что единственная мера эвиденциального подкрепления теории – это эмпирическое подтверждение ее следствий) должен быть ограничен.

«Спасти явление»

Не вдаваясь в детали обоснования того, почему консеквентализм стал единственным критерием эвиденциального подкрепления теории в современной философии науки, которое приводят Л. Лаудан и Дж. Леплин (основная причина – подмена эпистемической аргументации семантической), отметим, что, исторически, можно выделить другую, в определенном смысле, альтернативную консеквентализму форму или стратегию эвиденциального подкрепления теории: «Еще до возникновения неопозитивизма, в 1920-х, общая идея проверки и оценки теорий сводилась к представлению о том, что должна существовать область явлений, по отношению к которой теория должна быть эпистемически подходящей (epistemically accountable). Например, в астрономии такими явлениями могут быть наблюдения позиций планет, Солнца и Луны. Успешность теории определяется по отношению к этим явлениям, с учетом возможности теории дать их описание (to give an account). Теория, конечно, была ответственная за свои следствия, но она полагалась одинаковым образом подходящей (accountable) по отношению ко всем релевантным, установленным явлениям, и не могла избежать этой ответственности, не принимая их во внимание. Для Ньютона, Птолемея или Маха “спасти явление” означало быть способным объяснить все существенные (salient) факты в заданной области. С появлением неопозитивизма эпистемическая ответственность теории была радикальным образом переинтерпретирована. Теория становится ответственной только по отношению к ее следствиям. Неспособность принять во внимание релевантные явления или, по крайней мере, быть косвенно применимой к ним, теперь подается как дешевый способ демонстрации степени успешности теории, но не ее ответственность. Там, где эмпирическая адекватность ранее означала способность объяснить и предсказать все значимые явления, теперь требуется только наличие истинных эмпирических следствий... До нашего времени никто бы не предположил,

как делает Фраассен, что спасение явлений означает только наличие эмпирической модели. Никто бы не предположил, как делает Фраассен, что теория будет оцениваться только по отношению к корректности ее наблюдаемых следствий, независимо от полноты класса этих следствий, независимо от применимости теории к решению независимо поставленных проблем» [Laudan, Leplin, 1991. P. 471–472]. Важно отметить, что стратегия «спасти явление» репрезентирует именно другую (чем консеквентализм) логику эвиденциального подкрепления, буквально возвращая нас к эмпиризму, или в тот исторический период развития философии науки, который по большей части связан с именами Дж. Милля, Э. Маха, П. Дюгема, П. Бриджмена и А. Пуанкаре.

Следуя канонам эмпиризма, наука должна быть связана исключительно с опытом, а не с объяснением, поскольку объяснение – это предмет метафизики. Как отмечает П. Дюгем, объяснение явления нацелено на то, чтобы «освободить (strip) реальность от явлений, покрывающих ее как вуаль, для того, чтобы увидеть реальность саму по себе» [Duhem, 1954. P. 7]. Явление демонстрирует нам не более чем «внешнее проявление (appearance)» вещи, и, как следствие, научная (физическая) теория – это абстрактное представление отношений между внешними проявлениями явлений, а не попытка «заглянуть за вуаль». В этой ситуации, когда истинностными значениями могут обладать только утверждения относительно эмпирических фактов, хорошая теория должна обеспечивать наиболее полное описание и классификацию явлений в своей области определения. С. Псиллос отмечает: «[Для Дюгема] именно система Ньютона давала унифицированное описание и спасала *все* явления... И именно тем, что система Коперника может быть встроена (embedded) в эту систему, а Птолемея – нет, Дюгем обосновывал принятие системы Коперника и то, что “ложность системы Птолемея должна быть признана”» (курсив автора. – *Н. Г.*) [Psillos, 1999. P. 29]. Естественно, к тому времени, когда работает П. Дюгем (его «Цель и структура физической теории» выходит в 1906 г.), методология эмпирического исследования, ограничивающая эпистемическую доступность и пределы знания «вуалью», за которой скрывается «ненаблюдаемая» ре-

альность, уже хорошо разработана, – книга Дж. Милля «Система логики» выходит в 1843 г. Разделение П. Дюгемом «репрезентативной» и «объясняющей» частей теории, «классифицирующей [эмпирические] законы и ответственной за реальность, скрывающуюся за явлениями» [Duhem, 1954. P. 32] соответственно, связь между которыми «неустойчивая (frail) и по большей части искусственная» [Ibid.], достаточно четко укладывается в представление о подтверждении эмпирических законов у Дж. Милля, – применение метода элиминативной индукции в содержательном эпистемическом плане гораздо больше свидетельствует в пользу принятия обнаруживаемых эмпирических закономерностей (или законов), чем в пользу предполагаемых «возможных причин» явления². В этом смысле закон всемирного тяготения И. Ньютона принадлежит именно «репрезентативной» части теории, так как он отвечает всем доступным эмпирическим данным, «спасает» все явления и при этом не объясняет природу гравитационного взаимодействия содержательно, а только постулирует его. Более того, оставаясь на уровне позитивных инстанций и эмпирических законов (т. е. определяя достоверность знания только в терминах доступных эмпирических данных, не предполагая консеквентализм), можно ввести эмпирическое же представление об объяснении. Объяснение, как выдвижение необходимых условий объясняемого явления, здесь можно свести к демонстрации того, как объясняемое явление или эмпирический закон можно вывести из более общего и комплексного (эмпирического же) представления. Так, например, законы небесного движения И. Кеплера можно «объяснить», демонстрируя, что они следуют из законов И. Ньютона при определенных начальных условиях. Планеты подчиняются законам И. Кеплера, поскольку их поведение (свидетельствующие об этом эмпири-

² К сожалению, объем и общая направленность статьи не позволяют нам в достаточной мере проинтерпретировать здесь содержание представлений Дж. Милля и в полной мере коснуться полемики Дж. Милля и У. Уэвелла, а также противопоставления индуктивной и гипотетико-дедуктивной стратегий подкрепления теории, которые, на наш взгляд, сыграли решающую роль в становлении взглядов на эпистемическое обоснование научной теории у ключевых представителей философии науки конца XIX – начала XX в. Это предмет отдельного исследования.

ческие данные) определяется законами И. Ньютона³. Мы даже можем сказать, что концепция И. Ньютона является более успешной, поскольку «объясняет» (из нее выводятся) эмпирические закономерности более низкого порядка.

Еще один момент концепции «спасти явление», который также важен с точки зрения реконструкции стратегии эвиденциального подкрепления, отличной от консеквентализма, связан с тем, как П. Дюгем интерпретирует само явление. Хорошая научная теория не требует объяснений и гипотез относительно причин явлений, а значит, в том числе, мы не можем свести эвиденциальное подкрепление к эмпирическому обнаружению следствий, так как выведение этих следствий уже предполагает, что мы наполняем каким-то содержанием «объясняющую» часть теории. Однако (и в этом причина того, что мы обращаемся здесь именно к работам П. Дюгема, а, например, не к работам Э. Маха, А. Пуанкаре или П. Бриджмена) П. Дюгем также известен как автор тезиса о теоретической нагруженности наблюдения: «Эксперимент в физике – это не просто наблюдение явления. Это, кроме прочего, теоретическая интерпретация этого явления» [Duhem,

³ Учитывая то, что представление о «комплексной (comprehensive)» классификации явлений у П. Дюгема сопряжено с соответствующим математическим описанием явлений: «[Физическая теория] это система математических утверждений, дедуцированных из небольшого числа аксиом, которая нацелена на то, чтобы представить как можно более просто, и полно, и настолько точно, как это возможно, множество эмпирических законов» [Duhem, 1954. P. 19], то здесь, в рамках исключительно эмпирического представления об эпистемической достоверности знания, мы можем говорить не только о сводимости («объяснении») одних эмпирических закономерности к другим, но и о закономерностях «более теоретических». Например, преобразования Г. Галилея, как важную составляющую механики И. Ньютона, можно считать получающими надлежащее (в эпистемическом смысле) эмпирическое подтверждение в смысле подтверждения эмпирических закономерностей по Дж. Миллю и стратегии «спасти явление». Тот факт, что преобразования Г. Галилея могут математически «объясняться» (быть сводимыми) через преобразования К. Лоренца, равно как и «досветовая» механика И. Ньютона – через «околосветовую» механику А. Эйнштейна, как предлагающих более «комплексное» математическое описание явлений, может свидетельствовать о возможности эвиденциального подкрепления теорий, описывающих даже конвенционально ненаблюдаемые явления (здесь, движение со скоростями, близкими к скорости света), не прибегая к консеквентализму.

1954. P. 144]. На первый взгляд это представление несет угрозу достоверности научного знания, так как «Цель физической теории – это репрезентация эмпирических законов. Слова “истинность” и “достоверность” имеют только одно значение; они выражают соответствие (concordance) между выводами теории и правилами, установленными наблюдателем» [Duhem, 1954. P. 144], но это затруднение, как отметили бы Л. Лаудан и Дж. Леплин, также является следствием устоявшейся привычки «подменять эпистемический дискурс семантическим». В общем случае, из того, что теория не является носителем утверждений, которые могут быть истинными или ложными, а есть согласованная система описания явлений, не следует, что в эпистемическом смысле утверждения этой теории не могут считаться знанием. Например, М. Штойп отмечает: «Неконклюзивных данных, оставляющих возможность ошибки, достаточно для приписывания утверждению статуса знания» [Steup, 1998. Ch. 1]. Требование, что данные, которые мы используем для эвиденциального подкрепления теории, должны быть конклюзивными (гарантирующими истинность утверждений, которые они подкрепляют), является слишком сильным в эпистемическом плане. По П. Дюгему, явления полагаются осмысленными, только если они получают интерпретацию с точки зрения какой-то теории, в рамках которой они занимают соответствующее место и играют определенную роль. С. Псиллос отмечает: «Я утверждаю, что для Дюгема теория – это теоретическое повествование (story), элементами которого являются полезные фикции (fictions). Интерпретация явления, в этом случае, – включение его описания в вымышленную (fictitious) историю, которую рассказывает теория. Так что когда мы интерпретируем движение стрелки омметра как “по проводу течет электрический ток”, мы не говорим ни об истинности данной истории, ни об истинности данного теоретического описания. В этом смысле, понимание того, о чем говорит физик, предполагает *две вещи*: принятие (accepting) теоретического повествования и расширение (extending) этой истории таким образом, чтобы движение стрелки омметра нашло в ней свое место (курсив мой. – Н. Г.)» [Psillos, 1999. P. 31]. Отметим, что с точки зрения проблемы эвиденциального подкрепления подобное

представление о «теоретической истории», задающей интерпретацию анализируемых явлений, не противоречит приведенному выше представлению об «объяснении», как выведении объясняемого явления (или эмпирического закона) из более общего и комплексного представления. Более того, как мы видели выше, данному представлению об «объяснении» может соответствовать релевантное представление об «успешности», которое также можно переписать для анализируемого представления о «теоретической истории», задающей интерпретации явлений. При этом, в данном случае, истинность «истории» не будет являться ни необходимым, ни достаточным условием успешности.

Традиционно, в гемпелевском (номологическом) смысле, объяснение – это аргумент, когда объясняемое дедуцируется из посылок, состоящих из множества хорошо подкреплённых утверждений, выражающих исходное состояние системы, и множества универсальных гипотез или законов (см.: [Hempel, 1942]). Структурно, такое представление об объяснении идентично поиску предсказаний (информация об исходных состояниях и универсальных гипотезах известна до того, как мы найдем объяснение), или, как отметили бы Л. Лаудан и Дж. Леплин, – отвечает порочному представлению о сведении подкрепления к подтверждению дедуцируемых следствий. На наш взгляд, для того, чтобы более последовательно (с точки зрения представления об эвиденциальном подкреплении теории не сводящегося к эмпирическому подтверждению следствий) проинтерпретировать отмеченное представление об объяснении в рамках концепции «спасти явление», нужно обратиться к альтернативным, по отношению к гемпелевской, концепциям объяснения. «Некоторые философы, занимающиеся проблемами философии биологии и философии истории, отстаивают (advocate) нарративный стиль объяснения. Событие объясняется посредством *рассказывания истории*, частью которой оно является. Часто утверждается, что теория эволюции Дарвина не удовлетворяет гемпелевской модели объяснения, но, тем не менее, является объясняющей. Рассмотрим простой пример: почему у жирафа длинная шея? Объяснение: Предки современных жирафов питались листьями с деревьев и те, у кого шея была длиннее, мог-

ли достать больше листьев, когда тех становилось меньше, например, вследствие засухи. Наличие длинной шеи было важным признаком, обеспечивающим выживание, а значит, естественный отбор двигался в этом направлении. Является ли это предположение истинным с точки зрения эволюционной теории? Нет. Здесь описывается только один из *возможных* сценариев, который могла выбрать природа. Нарративное объяснение, равно как и статистически релевантное, не содержит ни необходимых, ни достаточных условий тому, что объясняется. Но оно содержит нечто, что является важным, для предполагаемого объяснения... Мы не можем предсказать, когда именно распадется радиоактивный атом, но когда это произойдет, мы можем объяснить, почему это произошло. Тот факт, что квантовая теория дает такие *post hoc* объяснения, свидетельствует в ее пользу (курсив мой. – Н. Г.)» [Brown, 1985. P. 62–63]. В этом смысле объяснение – это не дедуктивный аргумент, приводящий к заключению (собственно к объяснению явления), это именно «рассказывание истории», которая дает возможность выделить значимое в предполагаемом объяснении⁴. Следуя П. Дюгему, объяснение в эмпиристской парадигме не должно предполагать погружения за границу, отделяющую «наблюдаемое» от «ненаблюдаемого» (как бы эта граница ни задавалась), объяснение – это пред-

⁴ Достаточно полно многообразие моделей объяснения, отличающихся от гемпелевской, представлено в книге «История и эволюция» [Nitecki, 1992]. Есть модели, предлагающие редуцировать универсальные гипотезы, заменив их обобщениями, не претендующими быть универсальными (так, мы не можем говорить об объяснении как о дедукции). Одной из таких моделей является модель статистически релевантного объяснения У. Салмона. Есть модели, в которых универсальные гипотезы вообще не играют никакой роли. Например, явление может объясняться посредством обращения к множеству достаточных условий возникновения этого явления. Полнота объяснения, в данном случае, может ограничиваться независимостью множества необходимых условий, повлекших возникновение явления. Нарративное объяснение в теории эволюции Ч. Дарвина должно быть в достаточной степени связным, быть встроенным в более широкий контекст, например, с точки зрения удовлетворения другим теориям в области эволюционной биологии. Наконец, есть модели предполагающие, что явление может получить объяснение, если мы сначала перечислим необходимые условия его возникновения, а затем покажем, какие из них фактически выполняются для того, чтобы явление возникло.

мет метафизики. Однако, не в последнюю очередь следуя Дж. Миллю, допуская «возможные причины явлений» (и, например, полагая их фиктивными), в рамках эмпиризма можно говорить о надлежащем эвиденциальном подкреплении «объяснения», понимаемого в этом ограниченном смысле, которое не сводится к эмпирическому подтверждению следствий.

Д. Росс, Дж. Лэдимен и нарративное объяснение

Определение паттерна, которое дает Д. Деннет, нельзя назвать исчерпывающим: «реальные паттерны» – это устойчивые элементы, которые мы выделяем из некоторого набора данных, «как описания, которые являются более продуктивными (efficient), чем тривиальное (bit-map) представление заданной области, независимо от того, может ли кто-либо его [паттерн] зафиксировать (consoct)» [Dennett, 1991. P. 34]. Очевидно, что прежде чем сделать это определение достаточно функциональным, по крайней мере, сначала нужно решить проблему распознавания паттерна. Следуя логике, заложенной Д. Деннетом в определение паттерна, Д. Росс дает следующее определение существования: «Существовать – значит быть реальным паттерном; паттерн является реальным, если (i) он может быть проекцией (projectible) относительно, по крайней мере, одной физически возможной перспективы; (ii) он содержит [нетривиальную] информацию относительно, по крайней мере, одной структуры события или об объекте S. При этом, эта информация (закодированная в теоретико-информационных терминах) является более продуктивной (efficient), чем тривиальное представление (bit-map encoding) S, в том смысле, что в рамках заданной проекции, отвечающей выбранной физически возможной перспективе, существует такой аспект S, который невозможно было бы обнаружить (track), если бы данная перспектива не была бы зафиксирована» [Ross, 2000. P. 161]. Здесь Д. Росс (по его собственным словам) не критически использует соответствующие представления Г. Рейхенбаха о «проекциях» и «физически возможных перспективах», но его поправляет Дж. Лэдимен: «Паттерны определяются как определенные интерпретации физических данных в определенных физических же условиях... Существование пат-

тернов интерпретируется в терминах теоретико-информационного содержания проекций в рамках физически (но не логически или математически) возможных перспектив... Паттерн, который нельзя зафиксировать (track) с точки зрения перспективы, которую считает возможной современная физика, нельзя эмпирически верифицировать» [Ladyman et al., 2007. P. 234–235]. На наш взгляд, с таким пониманием «проекции» и «физически возможной перспективы» у нас есть все основания считать «тропический (rainforest) реализм» Д. Росса концепцией, которой отвечают представления и о нарративном характере объяснения, и об эвиденциальном подкреплении теории, отличном от подтверждения ее следствий.

Дж. Лэдимен отмечает: «[Наша концепция существования], в основе которой лежит натурализм в области метафизики, представляет собой диалектическое сочетание реализма и эмпиризма» [Ibid. P. 303]. При этом под основной характеристикой обозначенного «эмпиризма» Дж. Лэдимен по большей части понимает верификационизм, «являющийся следствием натурализма» [Ibid.]. Этот ход рассуждений прост, – по определению, натурализация превращает все философские вопросы (эпистемические, онтологические, семантические и т. д.) в методологические, и приведенный выше комментарий Дж. Лэдимена, что паттерн определяется как отношение между физическими данными в рамках физической же теории, действительно может говорить о выборе верификационизма как стратегии эвиденциального подкрепления. Но что именно понимает Дж. Лэдимен под этим «верификационизмом»? «Верификационизм обычно рассматривают как идею, что мы можем знать только то, что в принципе можно подтвердить (или проверить) с помощью наблюдения, [однако наш] реализм находит противоречивой (repugnant) тезис эмпиризма, что различие между наблюдаемым и ненаблюдаемым имеет большое эпистемическое значение» [Ibid. P. 304]. Более того: «Мы утверждаем, что наука описывает модально структурированную реальность, которая выходит (extends) за рамки наблюдаемого. [При этом] мы отрицаем, что наука описывает ненаблюдаемые объекты... она описывает [объективные] характеристики (в терминах структуры)... ненаблюдаемые проявления (instances) этих характеристик.

Наша поддержка (endorsement) верификационизма означает, что наука не описывает ненаблюдаемые *типы* характеристик (курсив автора. – Н. Г.)» [Ladyman et al., 2007. P. 306]. Выше мы уже говорили, что одна из причин отказа от гемпелевской модели объяснения заключается в том, что мы сомневаемся в необходимости универсальной гипотезы, которая участвует в объяснении. Противопоставление здесь «проявлений характеристики» и «типов характеристик» как раз отражает отход от гемпелевской модели объяснения, так как универсальные гипотезы, по определению, формулируются именно для «типов характеристик». «Посмотрим на понятие “наблюдение”. Традиционно “субъект X наблюдает P ” означает, что X выводит (transduces) какую-то характеристику или характеристики из числа тех, которыми обладает P , оперируя одной или более из доступных X сенсорных модальностей. Когда представитель классического или логического эмпиризма выступает в поддержку (endorse) верификационизма, он предполагает, что тот факт, что субъект X наблюдает P , вносит вклад (bears) в обоснование для X убежденности в p – верифицируемого утверждения относительно P . Наш верификационистский критерий основан на другом отношении – “быть информационно связанным с”. X информационно связан с P , если и только если существует информационный канал от P к X . По определению, информационный канал от P к X – это множество независимых условий, необходимых для того, чтобы X получал информацию о P .» И далее: « X – это “перспектива”, это наш суррогат для философской идеи наблюдения» [Ibid. P. 307]. Без преувеличения можно сказать, что такое определение «перспективы» соответствует той роли, которую П. Дюгем отводит «теоретической истории», интерпретирующей наблюдения. Почему такое определение паттерна будет отвечать концепции «спасти явление» как стратегии эвиденциального подкрепления теории, отличной от консеквентализма? Потому что паттерны определяются как отношения между физически возможными эмпирическими данными наблюдения, играют роль возможных причин явлений в смысле концепции «спасти явление», фиксируют эмпирические закономерности, воспроизводят именно структурные характеристики реальности, как мы видели, в терминах «проявле-

ний характеристики», а не их «типов», а также отражают представление П. Дюгема о «естественной классификации».

Мы уже отмечали, что концепция «спасти явление», ограниченная «эмпирическим» уровнем описания реальности, предполагает, что хорошая теория должна обеспечивать наиболее полное описание и классификацию явлений в своей области определения, – быть ориентированной на «естественную классификацию» явлений. «Чем более полным становится описание, тем больше мы понимаем, что логический порядок организации эмпирических законов отражает онтологический порядок, тем больше мы подозреваем, что отношения между данными наблюдения, которые устанавливает теория, соответствуют реальным отношениям между вещами, и тем больше мы чувствуем, что теория стремится стать естественной классификацией» [Duhem 1954. P. 26–27]. С точки зрения С. Псиллоса, «реализм Дюгема распространяется только на структурный уровень описания. Естественная классификация, как таковая, схватывает отношения между реальными объектами, но не сами объекты» [Psillos, 1999. P. 38]. Интерпретируя паттерны как возможные причины явлений в концепции «спасти явление», мы должны обосновать, что концепция «подтверждения следствия» здесь не работает. Дж. Лэдимен отмечает: «О чем же собственно несет информацию реальный паттерн? Ответ может быть только один: относительно *других* реальных паттернов (курсив мой. – Н. Г.)» [Ladyman et al., 2007. P. 227]. Именно так, для того, чтобы паттерн получил статус «реального», он должен содержать информацию не столько о своей внутренней структуре, сколько о другом паттерне. На наш взгляд, именно это представление о «другом паттерне» позволяет окончательно подтвердить нашу гипотезу о том, что в рамках «тропического (rainforest) реализма» Д. Росса мы действительно имеем дело с эвиденциальным подкреплением, не сводимым к подтверждению следствий. «Второй» паттерн в той же самой «физически возможной перспективе» означает, что у нас есть другая, независимая от «первой», проекция. По определению, каждая из проекций вычленяет соответствующий ей паттерн именно для того, чтобы обеспечить наилучшую классификацию явлений на своем «уровне описания».

При этом связь между паттернами нельзя представить в логике «подтверждения следствия», так как независимость проекций гарантируется отмеченным выше представлением о модальном характере наблюдений – данных, на которых задается паттерн (разным проекциям будут соответствовать разные «информационные каналы»), определение которого имеет целью зафиксировать свои «нетривиальные модальные характеристики».

Список литературы / References

Головко Н. В. Натурализация эпистемологии и основные аргументы в пользу научного реализма // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2006. Т. 4, № 2. С. 51–57.

Golovko N. Naturalizatsiya epistemologii i osnovnye argumenty v polzu nauchnogo realizma [Naturalization of Epistemology and the Basic Arguments For Scientific Realism]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2006, vol. 4, no. 2, p. 51–57. (in Russ.)

Головко Н. В. Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. II: Недоопределенность и (мета)индукция // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2007. Т. 5, № 2. С. 9–16.

Golovko N. Naturalizatsiya epistemologii i osnovnye argumenty protiv nauchnogo realizma. II: Nedoopredelennost i meta-inductsiya [Naturalization of Epistemology and the Basic Arguments Against Scientific Realism. II: Underdetermination and Meta-Induction]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2007, vol. 5, no. 2, p. 9–16. (in Russ.)

Головко Н. В. Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. III: Абдуктивный вывод // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2008. Т. 6, № 1. С. 9–15.

Golovko N. Naturalizatsiya epistemologii i osnovnye argumenty protiv nauchnogo realizma. III: Abductivnyi vyvod [Naturalization of Epistemology and the Basic Arguments Against Scientific Realism. III: Abductive Inference]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2008, vol. 6, no. 1, p. 9–15. (in Russ.)

- Головко Н. В.** Д. Деннет и научный реализм: Пессимистическая метаиндукция и аргумент от ошибки // Сибирский философский журнал. 2018а. Т. 16, № 3. С. 49–59.
- Golovko N. D.** D. Dennett and Scientific Realism: Pessimistic Meta-Induction and the Argument From Error. *Siberian Journal of Philosophy*, 2018a, vol. 16, no. 3, p. 49–59. (in Russ.)
- Головко Н. В.** Д. Деннет и научный реализм: Подтверждение следствия и тезис существования с проецируемостью // Сибирский философский журнал. 2018б. Т. 16, № 4. С. 26–35.
- Golovko N. D.** Dennett and Scientific Realism: Affirming The Consequent And The Existence Dimension With Projectability. *Siberian Journal of Philosophy*, 2018b, vol. 16, no. 4, p. 26–35. (in Russ.)
- Boyd R.** On the Current Status of the Issue of Scientific Realism. *Erkenntnis*. 1983, vol. 19, p. 45–90.
- Brown J.** Explaining the Success of Science. *Ratio*. 1985, vol. 27, p. 49–66.
- Dennett D.** Real Patterns. *Journal of Philosophy*. 1991, vol. 88, p. 27–51.
- Duhem P.** The Aim and Structure of Physical Theory. Princeton, NJ, Princeton Uni. Press, 1954.
- Hempel C.** The Function of General Laws in History. *The Journal of Philosophy*, 1942, vol. 39, no. 2, p. 35–48.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford, Oxford Uni. Press, 2007.
- Laudan L.** A Confutation of Convergent Realism. *Philosophy of Science*, 1981, vol. 48, p. 19–49.
- Laudan L., Leplin J.** Empirical Equivalence and Underdetermination. *Journal of Philosophy*, 1991, vol. 88, p. 449–472.
- Nitecki M.** History and Evolution. State Uni. of New York Press, 1992.
- Psillos S.** Scientific Realism: How Science Tracks Truth. Routledge, 1999.

Ross D. Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence. In: Brook A., Ross D., Thompson D. (eds.). *Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment*. Cambridge, MA, MIT Press, 2000.

Steup M. *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Upper Saddle River, NJ, Prentice Hall, 1998.

Материал поступил в редколлегию

Received

25.04.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Головко Никита Владимирович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Nikita V. Golovko, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

golovko@philosophy.nsc.ru